

Храмцова Наталья Геннадьевна

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского права
Курганского государственного университета

Майборода Татьяна Юрьевна

кандидат юридических наук, директор
Института экономики и права
Курганского государственного университета

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ СУБЪЕКТОВ ПРАВА В ПРОЦЕССЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Khramtsova Natalya Gennadyevna

PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Civil Law Department,
Kurgan State University

Mayboroda Tatyana Yuryevna

PhD in Law, Director of
the College of Economics and Law,
Kurgan State University

DISCURSIVE STRATEGIES AND TACTICS OF LEGAL ACTORS IN THE TRIAL

Аннотация:

Настоящее исследование посвящено изучению дискурсивных стратегий и тактик участников судебного разбирательства как характеристик судебного правового дискурса. Изучение проводится с помощью ранее не использовавшегося в правовой науке подхода – дискурс-правового анализа. Цель работы: выявить особенности дискурсивных стратегий и тактик участников судебного разбирательства, необходимые при исследовании судебного правового дискурса; проанализировать их функциональное назначение и необходимость использования. Методы: методологическую основу познания изучаемого феномена составляет диалектический подход. Учитывая специфику правового дискурса, которая проявляется в его междисциплинарном характере, исследование проводится на уровне методологии в целом, а не только методологии юридической науки. В статье использованы теоретические методы формальной и диалектической логики, сравнительно-правовой метод. Результаты: авторы предлагают для исследования особый подход – комплексный дискурс-правовой анализ, предполагающий познание судебного дискурса с помощью анализа его компонентов, и проводят его, изучая дискурсивные стратегии и тактики участников судебного разбирательства. Выводы: изучение дискурсивных стратегий и тактик субъектов судебного разбирательства с помощью метода дискурс-правового анализа как совокупности техник интерпретации правовых текстов или высказываний, как системы приемов, способов и операций с феноменами права позволяет выявить специфические проявления судебного правового дискурса, помогая тем самым достичь результативного правового воздействия на участников регулируемых отношений с наименьшими затратами. Междисциплинарный подход в сочетании с диалектическим подходом позволяет улавливать тенденции развития права, новых понятий в праве (в частности, правового дискурса), его изменений, которые проявляются на стыке теоретических и практических проблем теории права.

Ключевые слова:

правовой дискурс, дискурс-правовой анализ, методология, правовая методология, междисциплинарность, системный подход, комплексность, дискурсивные стратегии, дискурсивные тактики, судебный правовой дискурс.

Summary:

The research deals with the discursive strategies and tactics of legal actors in the trial as characteristics of judicial discourse. The authors use a novel approach represented by legal discourse analysis. The purpose of the research is to identify the characteristics of the discursive strategies and tactics of trial participants that are necessary for the study of judicial discourse and analyze their purpose and the need to use them. A dialectical approach serves as a methodological basis of the study. Because of the interdisciplinary nature of legal discourse, it is considered from a perspective of general methodology and the methodology of legal science. Besides, the authors employ formal and dialectical logic methods and a comparative legal method. As a result, they propose a comprehensive legal discourse analysis to learn about judicial discourse through the analysis of its components. The authors examine discursive strategies and tactics of legal actors in the trial with the help of legal discourse analysis as a set of interpreting techniques of legal texts or statements, a system of techniques, methods, and operations related to the phenomenon of law. It allows one to reveal the particular manifestations of judicial discourse and thereby has an effective legal impact on participants in regulated relationships without losses. The interdisciplinary approach combined with the dialectical one makes it possible to capture the trends towards law, new concepts in law (in particular, legal discourse), and its changes, which become evident at the interface between the theoretical and practical issues of the theory of law.

Keywords:

legal discourse, legal discourse analysis, methodology, legal methodology, interdisciplinary nature, systems approach, comprehensive nature, discursive strategies, discursive tactics, judicial discourse.

Введение

Понятие правового дискурса активно вторгается в тело правовой науки, предлагая исследователю широкие возможности для его изучения с целью выявления и обоснования интересных перспектив ее развития.

Появление новой категории в праве – правового дискурса – предполагает и особый подход к ее исследованию. Традиционные методы и средства изучения права недостаточны для ее анализа. Междисциплинарность изучаемого феномена дает возможность рассматривать ее, используя не только методологию права, но и методологические инструменты других наук. При этом можно говорить, что здесь требуется особый подход, ранее не использовавшийся для анализа правовых феноменов – дискурс-правовой анализ. Возможности его расширяют наши представления о праве в целом и о новых правовых категориях в частности.

Методология исследования

Проблема метода всегда являлась одной из ключевых проблем научного познания. Право – отрасль достаточно консервативная, поэтому в юридической науке выбор метода должен быть четко обоснован, соответствовать изучаемому объекту, методологическим принципам и ценностным установкам исследователя.

Задача исследователя – предложить для изучения определенного правового явления или категории адекватный, соответствующий целям и задачам исследования метод и обосновать этот выбор соответствующими правовыми средствами. Но иногда это бывает очень сложно, а порой невозможно сделать. Как правило, это связано с появлением новых, ранее неизвестных правовой науке категорий, для исследования которых традиционные подходы и методы малоэффективны. Таковым в праве на сегодняшний день является достаточно новая правовая категория – правовой дискурс. Появление ее неизбежно должно повлечь за собой и применение нетрадиционного для правовой науки метода изучения.

Это становится возможным благодаря тому, что методологический плюрализм, характерный для современной юридической науки, не предполагает отказа от выбора собственного пути познания тех или иных правовых явлений, а наоборот, расширяет возможности исследователя, предоставляя ему многообразные пути и средства познания: «Методологические установки позитивизма в юридических исследованиях не являются тотальными, а размываются уже за счет привлечения правоведами идей его оппонентов. Свои результаты в юриспруденции сегодня, как отмечалось, способны принести и традиционные научные (позитивистские), и герменевтические, философские методы» [1, с. 94–95].

Одним из таких методов, использование которого считаем возможным в правовой науке, является дискурс-правовой анализ, необходимый для раскрытия сути нового феномена в праве – правовой дискурс.

Общая методика комплексного дискурс-правового анализа воспроизводит модель качественного содержательного анализа, которая в отличие от формально-количественных методик (например, контент-анализа) способна выявить не только явно присутствующие и отчетливо фиксируемые текстовые данные, но и скрытые, латентные смыслы сообщения, отражающие работу мышления субъектов права, поиск наиболее оптимальных вариантов разрешения ситуации в процессе порождения речи. При таком анализе в центре внимания исследователя оказывается субъект права как носитель дискурсивного мышления, изучение его ментальных процессов, отражающихся в диалоге.

Согласно такой точке зрения, дискурсивным мышлением можно считать не любой интеллектуальный поиск, а «выход из любой проблемной ситуации как доказательство не простой рефлекторной деятельности, но деятельности сознания – динамики мозговых структур» [2, с. 51].

Специфическим проявлением дискурс-правового анализа в отличие от толкования является процедурный характер, не ограниченный конечным числом операций, позволяющим не всегда точно достигать определенного результата. Толкование же – это система правил, которые четко выстроены и предполагают точный результат. Кроме того, толкование права носит монологический характер. Первостепенной задачей дискурс-правового анализа является изучение коммуникативного своеобразия диалога субъектов социально-правового действия. Дискурс-правовой анализ рассматривает диалог в первую очередь не как языковое явление, а как социально-правовое взаимодействие, регулируемое процессуальными нормами права.

Таким образом, анализ правового дискурса включает в исследование стратегию и интенцию говорящих, изучение ментальных процессов: психологические и социокультурные правила и стратегии порождения и понимания речи. Дискурс-правовой анализ позволяет исследовать процесс протекания правовой коммуникации, то есть исследует правовое взаимодействие субъектов права, изучает право в действии.

Правовой дискурс правоприменения (судебный правовой дискурс)

Все более детальное рассмотрение нового правового феномена привело нас к выводу о том, что правовой дискурс неодинаков на разных стадиях правового регулирования. Различные

стадии правового регулирования предполагают и различный правовой дискурс. В настоящей статье нами предпринята попытка проанализировать дискурс на стадии правоприменения (судебный правовой дискурс, в основе которого лежит конфликт, противостояние сторон).

В судебном правовом дискурсе, в основе которого лежит конфликт, противостояние сторон, происходит столкновение интерпретаций нормы права между субъектами права.

В целом судебное разбирательство – это диалогичный процесс выработки решения, где в саму выработку включены все заинтересованные стороны, и она происходит внутри базового коммуникационного процесса конвенционализации. Например, в судебном процессе мы наблюдаем столкновение, конфликт различных интерпретаций одного и того же законодательного положения, оценки одних и тех же доказательств, квалификаций одного и того же события, что подтверждает тезис о многосмысленности любого текста. Стороны используют однообразный по замыслу законодателя текст, каждый применительно к своему пониманию закона [3] или своей интерпретации. П. Рикер дает нам следующее определение: «Интерпретация – это работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значения, заключенных в буквальном значении» [4, с. 18]. По мнению Л.В. Голоскокова, «данное определение универсально по отношению ко всем случаям интерпретации социальных явлений (в том числе правовых), поскольку последние многослойны и многозначны» [5, с. 113].

Конфликт интерпретаций разрешается в пользу того, кто приводит более аргументированные, убедительные доводы. Судебная речь в таком случае принимается как *воздействующая*, когда каждая из сторон использует различные стратегии и тактики для достижения собственной цели. И только такая речь способствует единообразному толкованию права, а следовательно, успешности процесса правовой коммуникации в судебном правовом дискурсе.

Судебный правовой дискурс начинается с *результата некоторого действия*, который предстоит обсудить. В процессе обсуждения проекта некоторого действия обратная связь подлежит оформлению в структуру, соответствующую структуре самой среды правовой коммуникации. В среде правовой коммуникации обязательно выделяются советы, комиссии или отдельные личности, которые берут на себя роль ведущего [6, с. 16] (в судебном процессе – это судья). Следовательно, задача судьи – *конвенционализировать* различные точки зрения на всем протяжении пути от разногласий до достигнутого соглашения и принятия решения.

Основной задачей правового дискурса судебного разбирательства, в основе которого лежит конфликт сторон, является наименее «болезненное» для сторон разрешение правового спора и, как результат, – «справедливое» решение по делу. Для вынесения «справедливого» решения необходимо обеспечить донесение до независимого арбитра релевантной информации об обстоятельствах дела. Независимый судья должен быть абсолютно свободен от каких-либо предубеждений и влияния со стороны групп интересов, третьих лиц или сторон.

Опыт применения дискурс-правового анализа судебного правового дискурса

В качестве примера дискурс-правового анализа судебного правового дискурса, в основе которого лежит конфликт, приведем дискурс-правовой анализ стенограммы заседания Московского городского суда, 12 сентября 2013 г. (*председательствующая – судья Д.*). Из этических соображений нами не раскрываются реальные имена участников процесса. Анализ проводился лишь с целью удовлетворения исследовательского интереса по данной проблеме. Дело рассматривается судом на основании кассационной жалобы адвоката обвиняемого Р.: *«Приговором Останкинского районного суда г. Москвы от 2 июля 2013 года Л. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 116, ч. 2, п. “а”, в редакции УК РФ после 21.07.2011, и ему назначено наказание в виде обязательных работ сроком на 150 (сто пятьдесят) часов.*

Постановлением суда апелляционной инстанции по уголовным делам Московского городского суда от 12 сентября 2013 года приговор оставлен без изменения, а апелляционная жалоба без удовлетворения».

С учетом судебного следствия, а также вещественных доказательств Л. признан виновным в нанесении из хулиганских побуждений побоев в помещении студии № 1 Телевизионного технического центра «...» в ходе производства записи телепередачи «...» на тему «...», причинивших физическую боль П., но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Цель судебного правового дискурса – установление истины по делу. Сферой функционирования является зал суда. Основными участниками судебного правового дискурса выступают юристы-профессионалы – представители профессионального дискурсивного сообщества (судья, прокурор, адвокаты) и обратившиеся к ним за помощью клиенты (потерпевший и подсудимый).

Характеризуя специфику профессиональной деятельности юристов, участвующих в процессе, с точки зрения анализа правового дискурса, важно определить, что же такое дискурсивное сообщество. Дискурсивное сообщество (англ. discourse community, фр. Communauté discursive)

объединяет адресантов, принадлежащих одному дискурсивному образованию и конкурирующих внутри него [7, с. 81].

Дж. Суэйлзом были выделены признаки дискурсивного сообщества:

- 1) широкий спектр социальных целей;
- 2) наличие механизмов взаимной коммуникации;
- 3) средства передачи информации;
- 4) наличие типичных жанров;
- 5) специальная терминология;
- 6) дискурсивная компетенция участников [8].

В рассматриваемом процессе нами выделяются три подгруппы юридического профессионального дискурсивного сообщества: судейское дискурсивное сообщество, адвокатское дискурсивное сообщество и прокурорское дискурсивное сообщество.

Каждое из таких профессиональных дискурсивных сообществ в рамках правового дискурса обладает своими специфическими особенностями. Однако можно выделить и общие признаки всех трех подгрупп профессиональных дискурсивных сообществ юристов. Они проявляются в наличии большого объема профессиональных знаний и высокого уровня квалификации; в особенностях взаимоотношений юрист-клиент, в распространении профессиональных знаний в ходе реализации профессиональной деятельности.

Основным видом деятельности юридического профессионального дискурсивного сообщества в рамках профессиональной деятельности является дискурсивная практика. Дискурсивная практика профессионального сообщества представляет собой социально обусловленный процесс распространения отдельных видов специализированного знания и способов его воспроизводства. Дискурсивную практику можно представить как упорядоченный набор следующих элементов: высказывания (тексты), тема, правила построения высказываний, цели и ожидания аудитории, процедура принятия высказываний, каналы распространения информации, пространственно-временные характеристики [9, с. 18].

Сообщество юристов выступает основной сферой реализации дискурсивных практик в рамках судебного правового дискурса.

Приступая к выявлению специфических особенностей судебного правового дискурса, отметим, что главная характеристика правового дискурса правоприменения состоит в том, что ему присущи специфическая ролевая структура и сценарность [10, с. 62], которая требует строго определенной последовательности этапов и действий и выражается в строгом протокольном порядке ведения судебного заседания. Роли в дискурсе четко распределены и за каждым участником закреплены функции, определенные нормами института правосудия.

Итак, основными субъектами судебного правового дискурса выступают: судья Д., представитель потерпевшего – адвокат потерпевшего Т., адвокат обвиняемого Р., прокурор Б., обвиняемый Л.

Правовой дискурс в процессе правовой коммуникации характеризуется высокой степенью манипулирования. В этом смысле важность изучения правового дискурса в процессе правовой коммуникации продиктована необходимостью, с одной стороны, поиска оптимальных путей речевого воздействия на аудиторию, с другой – правильного понимания аудиторией истинных намерений манипулятора и скрытых приемов манипулирования.

Воздействие является одной из важных целей обычного коммуникативного общения. При манипуляции же существенной целью является навязывание манипулируемому выгодного для манипулятора образа действий.

Как отмечает Н.В. Глаголев, «манипуляция строится на соответствующей психолингвистической базе, которую можно условно свести к трем факторам манипуляции» [11, с. 11]. Первый фактор – это **совокупность элементов манипулятивной базы**. В структурно-коммуникативном отношении выделяются следующие необходимые элементы: (квалифицированный) манипулятор, управляющий с помощью языка процессом принятия решения; манипулируемый, вынуждаемый/желающий принять определенное решение; сам предмет коммуникации; набор языковых приемов воздействия манипулятора на манипулируемого. Вторым фактором манипуляции можно считать имплицитную **враждебность участников коммуникативного взаимодействия**, прикрываемую маской дружелюбия. Третий фактор манипуляций, тесно связанный с предыдущим, – **психологическое преимущество манипулятора**, злоупотребляющего потребностями реципиента в своих целях. На практике это выражается в оформлении и использовании особой «стратегии воздействия», представленной на практике в виде набора тактических приемов. Ниже приводится их перечень с доказательными примерами, почерпнутыми из материалов анализируемой стенограммы.

Состязательность процесса обеспечивается диалогическими отношениями сторон в ходе судебного разбирательства. Каждый из участников судебного процесса владеет целым арсеналом стратегий и тактик.

Стратегию адвоката обвиняемого можно назвать *стремлением к взаимодействию*, то есть к созданию качественно нового отношения к обсуждаемым вопросам. Адвокат Р. не вторгается в чужое когнитивное пространство, не только уважает чужую позицию, но и готов изменить свою: *«Ваша честь, прошу поверить в мою искренность. Я и молодых адвокатов все время настраиваю так. Изначальная наша установка – это абсолютно конструктивное сотрудничество с судом... Я заинтересован в установлении истины. Не всегда адвокат бывает в этом заинтересован, потому что, как Вы сами понимаете, моя задача – отстоять позицию, которую занимает защита. Но это дело именно таково, что истина и позиция защиты полностью совпадают».*

В процессе данная стратегия реализуется с помощью следующих манипулятивных тактических приемов:

- подчеркнутое внимание к реципиенту, в частности, с помощью целенаправленной лести по отношению к его статусу и личности: *«Приятную страсть все-таки к познаниям обнаружили представители противной стороны», «Я склоняюсь перед объективностью прокурора», «Адвокат Т. не будет же отказываться от того, что это ее подпись? Адвокаты честные люди», «Мне это письмо было доставлено. Повторяю. Я его не оглашал, потому что суд ушел на приговор. И легитимность ему придает именно то, что здесь подпись адвоката. Подпись адвоката – святое просто»;*

- подхваты реплик партнера: *«Хорошо», «Очень хорошо. Теперь так...»;*

- обеспечение такой небанальной реакции на коммуникативные действия реципиента, которая вызовет его симпатию, – например, с помощью преувеличенной самокритичности манипулятора по поводу своих промахов и явной его снисходительности к реципиенту: *«Ваша честь, мне достаточно, что прокурор усомнилась. А как сомнения толкуются, нам известно. Прокурор у нас усомнилась»;*

- передача коммуникативной инициативы: *«А вот это, кисть, какую имеете в виду?»», «Кисть или удар, или кулак?»», «Значит, кулак обвиняемого?»», «Здесь зафиксирован действительный контакт кулака с головой П.?»;*

- открытые вопросы, побуждающие партнера к речевой инициативе: *«Скажите, пожалуйста, какие кадры? Где?»;*

- языковые приемы создания эмоциональности. Обычно используются следующие приемы. Во-первых, эмоционально окрашенная лексика: *«Д. А., у Вас сохранилось это письмишко? Сохранилось? Посмотрите, это то письмо?»;* во-вторых, риторические вопросы и восклицания: *«Подпись адвоката не имеет силы юридической? Д. А., что я слышу?»*

Как видно из приведенных примеров, адвокат стремится гармонизировать собственное представление о предмете речи с представлениями всех участников процесса с помощью уточнений, дополнений, детализации.

Стратегия адвоката потерпевшего Т. характеризуется стремлением *сохранения неприкосновенности* своей коммуникативной установки (позиции). В тактических приемах отсутствует поддержка оппонента, подчеркивается:

- несогласие с его точкой зрения, выраженное с помощью активной повторяемости коммуникативного намерения. Многократно повторяемое утверждение вызывает у реципиента готовность принять его на веру: *«Я такого не вижу», «Нет. То, что он блокирует своими руками удар. Здесь не видно, что он блокирует, здесь, наоборот, видно то, что рука находится между...»;*

- указание на существование другой точки зрения путем оценки деятельности конкурента: *«Считаю, в ходатайстве отказать, ввиду того что все доказательства были в полном объеме исследованы в ходе судебного разбирательства первой инстанции. Необходимые документы по ходатайствам стороны защиты были оглашены и повторно в использовании не нуждаются», «Лист с 86 по 92-й, по-моему», «Да, действительно потерпевшим было сделано такое заявление. Однако я считаю, что назвать документом данную бумагу и приобщать ее к материалам дела считаю недопустимым ввиду того, что данная бумага не имеет юридической силы. Она не подписана в оригинале»;*

- апелляция к авторитетному источнику: *«Что касается самого приговора, то сторона потерпевшего считает приговор законным, обоснованным, вынесенным с соблюдением требований и норм уголовно-процессуального законодательства».*

Стратегия прокурора может быть оценена как *установка на некооперативное взаимодействие*. Среди тактических приемов выделяются:

– формирование негативного отношения к предмету речи с помощью преувеличенно негативной оценки деятельности противоположной стороны: *«Поскольку мы оглашали сегодня сведения о специалистах, которые проводили данное исследование, в этих сведениях не содержится, как утверждала сторона защиты, что данные лица обладали какими-либо познаниями в области биомеханики. Кроме того, считаю, что у данных лиц не было оснований давать оценку психологической ситуации, которая сложилась во время конфликта, который мы сегодня рассматриваем. Кроме того, хотелось бы также обратить внимание, что не представлено сведений, имелись ли какие-то технические познания у данных лиц, которые давали бы полномочия проводить раскадровку телевизионной записи, а также не представлены сведения, какая именно запись была подвергнута исследованию. Та, которая находится в материалах уголовного дела, либо какая-то иная? В связи с чем я расцениваю, что это исследование проведено на основе лишь предположений, субъективного мнения тех лиц, которые проводили данное исследование»;*

– изменение отношения к теме обсуждения путем снятия противоречий между истинной потребностью реципиента и фактическим намерением коммуникатора. Намерение подается таким образом, в такой «упаковке», что у реципиента вполне может появиться надежда на удовлетворение его личной потребности или даже уверенность в решении какой-то насущной проблемы. При этом совершенно не важно, будет ли потребность действительно удовлетворена, а проблема решена: *«Я все-таки настаиваю, что квалификация действий Л. является верной. Считаю, что им нарушена телесная неприкосновенность потерпевшего П. Тут речь идет о нанесении двух ударов. Тем не менее эти два удара необходимо расценивать именно как побои. Что касается квалифицирующего признака “из хулиганских побуждений”, то также хотелось бы повторно обратить внимание суда, что насильственные действия Л. носили открытый, демонстративный характер, осуществлялись в рамках съемки телевизионной программы, в связи с чем стали очевидными для широкого круга людей. Также считаю, что необходимо принимать во внимание, что Л. в момент совершения указанных действий являлся депутатом, представителем органов субъекта Российской Федерации, т. е. лицом официальным, наделенным властными полномочиями, и в момент причинения телесных повреждений П. он все-таки противопоставил себя обществу и тем лицам, которые наблюдали за данной конфликтной ситуацией».*

Судья Д. на протяжении всего процесса старается поддерживать справедливое равенство сторон, а вместе с ним и сам процесс. Суд проявляет субсидиарную активность в выяснении истины по делу. Процесс движется усилиями сторон, но движение сторон обеспечивается усилиями суда.

Результаты исследования

Итак, в результате проведенного анализа судебного правового дискурса мы можем констатировать, что принцип состязательности сторон судебного процесса в нем носит характер дискурсивной состязательности. «Дискурсивная состязательность стремится обеспечить стороны не просто формально равными, но фактически достаточными возможностями для активной защиты своих законных интересов. Речь, таким образом, идет не о равноправии (идентичности прав) сторон, а об их функциональном равенстве, когда равны не столько права (в полном объеме они могут не совпадать), сколько процессуальные функции. Равенство функций не означает их предметного совпадения – обвинение, защита и судебная функция по-прежнему строго разграничены – оно заключается в их одинаковой “мощности”, способности сторон равноэффективно добиваться своих целей» [12, с. 220]. Обвинение проявляет гражданскую мудрость в отношении обвиняемого, защита, сохраняя весь ранее завоеванный инструментарий для судебного спора, обогащает его новыми возможностями по мирному урегулированию конфликта, а суд «на любой стадии процесса несет ответственность за рассмотрение дела, активно создает оптимальные условия для представления и исследования сторонами доказательств, отстаивания ими своих законных интересов в условиях судебного дискурса, для эффективного воздействия методов убеждения, всегда на шаг опережающего в качестве *spiritus agens*, побудительной силы, конфронтацию и принуждение» [13, с. 226].

Анализ материалов стенограммы судебного заседания позволил установить, что в правовом дискурсе судебного разбирательства, в основе которого лежит конфликт, противостояние, стороны использовали элементы обычного целенаправленного общения и манипулятивные элементы.

Коммуникативная стратегия воздействия, взятая в ее коммуникативно-психологическом аспекте, включала такие дискурсивные тактики, как вовлечение в коммуникативный процесс эмоциональной сферы противоположной стороны; активная повторяемость коммуникативного намерения; вовлечение в коммуникативный процесс эмоциональной сферы противника.

В системе приемов речевого воздействия наиболее часто употребляемыми приемами были: подчеркнутое внимание к противоположной стороне, в частности, с помощью целенаправленной лести по отношению к его статусу и личности, преувеличенная самокритичность манипулятора по поводу своих промахов и явная его снисходительность к противнику, положительная оценка своей деятельности, самокритичность по поводу своих промахов и снисходительность к просчетам противоположной стороны, похвала противнику, подчеркнутое внимание к нему, негативная оценка деятельности противоположной стороны.

Выводы

Судебное разбирательство представляет собой судебный правовой дискурс как разновидность правового дискурса правоприменения: принцип состязательности сторон судебного процесса в нем носит характер дискурсивной состязательности.

Под судебным правовым дискурсом понимается *речемыслительная деятельность*, в которой происходит процесс информационного взаимодействия субъектов права, основной интенцией которого является разрешение конфликта *в процессе вынесения компетентным органом государства индивидуальных властных решений*.

Анализ судебного правового дискурса проводится с помощью особого подхода – дискурс-правового анализа, позволяющего в результате изучения особенностей дискурсивных стратегий и тактик участников судебного разбирательства достичь результативного правового воздействия на участников регулируемых отношений с наименьшими затратами.

Судебный правовой дискурс, в основе которого лежит конфликт сторон, имеет *прагматическую направленность*, что выражается в противопоставлении «свои – чужие» во время судебного разбирательства, когда участники процесса применяют манипулятивные дискурсивные стратегии и тактики, помогающие им достичь желаемого результата.

Каждый из участников судебного разбирательства, в том числе и судья, имеет свое субъективное представление о фактах и обстоятельствах, свою картину мира, следовательно, «справедливость» принятого по итогам рассмотрения спора решения всегда носит субъективный характер.

Разрешение возникшей проблемы, на наш взгляд, возможно в том числе и с применением положений концепции правового дискурса. В настоящее время концепция правового дискурса должна быть использована как методическое руководство по решению конкретных коммуникативно-процессуальных проблем.

Владение коммуникативными стратегиями и тактиками участников правового дискурса (в первую очередь более слабой стороны) позволит наиболее эффективно разрешить конфликт и получить законное и справедливое решение по делу. Выявление коммуникативных манипулятивных стратегий участвующих в деле дает перспективы их предотвращения и невозможности быть использованными в процессе с целью влияния на независимого арбитра.

Ссылки:

1. Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001.
2. Кубрякова Е.С., Шахнарович А.М., Сахарный Л.В. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М., 1991. 240 с.
3. Суслов В.А. Герменевтика права // Правоведение. 2001. № 5 (238). С. 4–12.
4. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995. 695 с.
5. Голоскоков Л.В. Анализ политико-правовых доктрин // Бизнес в законе. 2007. № 1. С. 112–118.
6. Бородина Т.В. Социальный диалог: коммуникативные стратегии личностной репрезентации общественных отношений : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2003. 26 с.
7. Кожетева А.С. Экспертное сообщество в дипломатическом дискурсе // Коммуникация в социально-гуманитарном знании, экономике, образовании: материалы III международной научно-практической конференции. Минск, 2012. С. 81–82.
8. Swales J.M. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. Cambridge, 1990. 260 p.
9. Ипатова Н.А. Дискурсивные практики в формировании профессиональных сообществ : автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2009. 22 с.
10. Снегирева Н.А. Судебный дискурс и место арбитражного процесса в нем // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : материалы международной научно-практической интернет-конференции / отв. ред. В.Ю. Меликян. Ростов н/Д., 2011. С. 59–65.
11. Глаголев Н.В. Приемы буржуазной манипуляции потребностями реципиента // Речевое воздействие: психологические и психолингвистические проблемы. М., 1986. 247 с.
12. Смирнов А. В. Состязательный процесс. СПб., 2001. 320 с.
13. Там же.

References:

- Borodina, TV 2003, *Social Dialog: Communicative Strategies of Personal Representation of Social Relations*, PhD thesis abstract, Rostov-on-Don, 26 p., (in Russian).
- Glagolev, NV 1986, 'Bourgeois Manipulations of the Recipient Needs', *Rechevoe vozdeystvie: psikhologicheskie i psikholingvisticheskie problemy*, Moscow, 247 p., (in Russian).
- Goloskokov, LV 2007, 'Analysis of Political and Legal Doctrines', *Biznes v zakone*, no. 1, pp. 112-118, (in Russian).

- Ipatova, NA 2009, *Discursive Practices Related to the Creation of Professional Communities*, PhD thesis abstract, St. Petersburg, 22 p., (in Russian).
- Kozheteva, AS 2012, 'Expert Community in Diplomatic Discourse', in *Communication in Social and Human Knowledge, Economics, Education. Proceedings of the Third International Research-to-Practice Conference*, Minsk, pp. 81-82, (in Russian).
- Kubryakova, ES, Shakhnarovich, AM & Sakharny, LV 1991, *Human Factor in Language: Language and Speech Production*, Moscow, 240 p., (in Russian).
- Ricoeur, P 1995, *The Conflict of Interpretations. Essays in Hermeneutics*, Moscow, 695 p., (in Russian).
- Smirnov, AV 2001, *Adversarial Process*, St. Petersburg, 320 p., (in Russian).
- Snegireva, NA 2011, 'Judicial Discourse and the Role of the Arbitration Process in It', in VYu Melikyan (ed.), *Language and Law: Relevant Interaction Issues: Proceedings of the International Research-to-Practice Internet Conference*, Rostov-on-Don, pp. 59-65, (in Russian).
- Suslov, VA 2001, 'Hermeneutics of Law', *Pravovedenie*, no. 5 (238), pp. 4-12, (in Russian).
- Swales, JM 1990, *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*, Cambridge, 260 p.
- Tarasov, NN 2001, *Methodological Issues of Legal Science*, Yekaterinburg, (in Russian)